

Тепцов В. По истокам Кубани и Терека // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14.

Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Русское археологическое общество. СПб., 1857. Т. 9, вып. 2.

Чеченов И.М. Археологические работы в городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г. // Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1967. Т. 20.

Челеби Эвлия. Книга путешествий. М., 1979. Вып. 2.

Н.В. Кашовская

СВОД ЕВРЕЙСКИХ НАДГРОБНЫХ ТЕКСТОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА: ПОЛЕВАЯ ФИКСАЦИЯ, ДАТИРОВКА, СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТАФИЙ

Любой исследователь, который, так или иначе, коснулся истории горских евреев, к сожалению, вынужден признать недостаточность письменных источников. О жизни, историческом прошлом еврейских общин важны любые свидетельства, так как их почти не сохранилось, а те исторические рассказы и путевые заметки путешественников, документальные сообщения, которые есть, существуют большей частью как вкрапления и до сих пор не собраны [Анисимов 1888: 14; Дорн 1864: 252–286; Фиркович 1872: 2–272].

Одно из самых ранних сведений о евреях в горных районах Восточного Кавказа имеется в «Кембриджском Анониме» (или «Список Шехтера»), который датирован публикаторами Норманом Голбом и Емельяном Прицаком X в. [Голб, Прицак 1997: 46, 129, 132, 134].

Дискуссионность вопросов о направлении дальнейшего расселения евреев в XIII–XIX веках в горные районы Дагестана заставляют искать новые источники и вводить их в научный оборот.

Основными объектами нашего исследования стали надгробные камни. В данной статье будут представлены предварительные результаты эпиграфического изучения кладбищ некоторых селений Южного Дагестана (Дербент и Маджалис, Ньюджи и Корчаг, Араг, Сиргич, Джерах, Марага, Хели-Пенджик, Янгикент).

Современное селение Марага на севере Табасаранского района. Об этом ауле сообщает «голштинский посол» Адам Олеарий, посетивший Дагестан в 1630 г. и свидетельствовавший о торговле табасаранских евреев в Шемахе [Олеарий 1906: 487]. Это же селение упоминает в своем описании горских евреев еврейский путешественник Иуда Черный (1835–1880), и на 1860-е годы он отмечает там 16 «дымов» [Черный 1992: 42].

В настоящее время в этом селении живут лезгины. Старый иудейский квартал находился на северо-западных высотах селения, а кладбище — на склоне ущелья. Все, что нам удалось обнаружить, — это три надгробия, одно из которых, как позволяет прочитать сохранность текста, 1614 г., что вполне соотносится с информацией нарративных источников. Почерку эпитафии с этого надгробия нашлась аналогия на надгробиях кладбища селения Аба-сава.

Возникновение селения Аба-Сава связывают с событиями в Дербенте 1630 г., когда многочисленная община Дербента была вынуждена покинуть город. Большинство семей осело в 10 км от города, в основанном ими селении, названном Аба-Сава [Там же: 13–14]. Из сохранившихся к 2009 г. надгробий самое древнее — 1687 г. Всего надмогильных камней с эпитафиями уцелело чуть более 30, но и они подтверждают историческую картину середины XVIII в., когда в 1760 г. Фатали-хан разрешил евреям Рустова поселиться в Аба-Сава. Но уже в 1799 г. ситуация изменилась. Правитель Кази-Кумуха Сурхай-хан вырезал население Аба-Сава. Оставшиеся жители переселились в Дербент, в котором новый правитель Али-хан дал им землю. Самое позднее надгробие на этом кладбище датируется 1827 г.

Абасавинские события заставили евреев насторожиться, в короткий срок они наладили тесную связь между всеми аулами, и каждое поселение было готово по первому зову прийти на помощь другому.

Возможно, аналогичные события произошли в Дербенте, и погребения 12-ти погибших мужчин в месяц Ав 1830 г. положили начало новому дербентскому еврейскому кладбищу. Надгробные стелы 1830 г. с раннего участка дербентского некрополя

и камни Аба-савы 1827 г. очень близки между собой характерным почерком резчика, структурой эпитафий, стилистическими оборотами и формулами записи дат. Дербентские камни словно продолжают абасавинский некрополь.

Такие же надгробия и того же времени были встречены нами на кладбище селения Маджалис. Этнографические описания этого аула, который входил в Кайтаго-Табасаранский округ, составлялись путешественниками и исследователями еще с XVIII в. [Там же: 9].

Некрополь, который дошел до наших дней, существует и действует в настоящее время. Расположен он на северной окраине селения, на склоне горы. Занимает площадь приблизительно 800 кв. м, на кладбище уцелело 145 надгробий.

Надгробия выполнены из местного камня — туфа и песчаника. Типологически они однообразны. Это стелы, которые редко украшены декоративными рамками, розетками, шестиконечными звездами.

Все уцелевшие надгробия снабжены текстами на еврейском языке. Даже в такой сохранности они помогают восстановить хронологические рамки действия могильника.

Первой датой зафиксированного корпуса эпитафий является 1842 г. Всего этим временем датируются шесть надгробий. Почерки на них квадратного письма с курсивными элементами, идентичные дербентским этого же времени, и только на рубеже XIX–XX вв. появляется квадратный печатный шрифт. Эпитафии имеют единую формулу посвятительного текста: «здесь был похоронен... в день... месяца... года... по малому счислению», и выполнены почерком, близким к дербентским того же времени. Нужно отметить, что этот стиль оставался образцом и не изменялся на всем протяжении существования могильника. Вторая формула, которая отмечена на могильнике, начинается эпитафию следующими словами: «день кончины», далее приводится имя, с указанием имени отца и последовательно приводится дата — еще раз день, месяц, год, по способу счисления.

В очерках по горским евреям Иуда Черный весь собранный материал записывает под 1869 г. Чаще всего он упоминает селе-

ние Янгикент близ Маджалиса, приводит почти равное количество еврейских домов в этих двух селениях — 110–116 [Там же: 24]. Сопоставляя эти сведения с эпиграфическими наблюдениями, можно восстановить реальную и интересную демографическую картину: надгробия регистрируют всего третью часть жителей общины. Следы же кладбища селения Маджалис иного времени пока не обнаружены.

Янгикет расположен на северо-запад от Маджалиса, еще выше в горах, во внутренних долинах, изобилующих родниками. Тесные общинные контакты Янгикента и Маджалиса подтверждаются эпитафиями надгробий.

Фиксационные и эпиграфические работы на некрополе в Янгикенте мною проводились осенью 2009 г. Кладбище расположено на западной окраине современного селения. Само кладбище практически не сохранилось — активное строительство поглотило почти всю площадь некрополя. Большая часть надгробий нами обнаружена не на своем месте. Только 11 надгробий уцелело на первоначальных точках, к этому числу можно прибавить еще 17 фрагментированных надгробий, от которых уцелели основания, уходящие в землю. Остальные 52 фрагмента были собраны в одну кучу на небольшом пространстве между жилыми домами и завалены строительным мусором.

Всего к изучению было привлечено еще 69 фрагментов. Конечно, при таком состоянии эпиграфического материала о чистоте эксперимента говорить не приходится: только в одном случае удалось соединить верхушку и основание и прибавить к целым надгробиям одно условно целое. Все остальные давали или одни только даты или вступительные формулы, иногда — имена. По вступительным формулам и почерку резчика они действительно перекликались с маджалисскими надгробиями.

Селение Нюгди находится по береговой линии южнее Дербента в 37 км, близ большого села Беленджи.

К XVIII в. вокруг г. Дербента и в прикаспийской долине р. Самур (Мушкур, Мискур) образовался сложный конгломерат поселений потомков кавказских албан и переселявшихся сюда армян, азербайджанцев, отчасти арабов и татов — западных иранцев по

языку, разного вероисповедания (иудаистов, т.е. горских евреев — *джухур*, мусульман — шиитов и суннитов, а также христиан-григорянцев). Пример тому — дагестанское азербайджано-лезгино-еврейское селение Нюгди, где сплелись исторические судьбы трех народов. От их пребывания там в былые времена остались лишь кладбища, храмы и синагога.

Нюгди в XVIII–XIX веках имело название Нюг-ди-Мюшкюр и представляло собой аул горских евреев [Тарихи «Дербенд-Наме» 2007: 40]. Местные нюгдийские евреи считали себя переселенцами из Хели-Пенджика («Пянджих» означает «пять сёл»). В Нюгди сохранилось огромное еврейское кладбище, уцелевших надгробий чуть более 200, не считая 50 просевших могильных ям, над которыми не сохранилось надмогильных камней. Иуда Черный также посетил Нюгди. В 1867 г. в селении проживало 38 евреев, в 1886 г. — 778, в 1897 г. — 479, в 1926 г. — 276 [Черный 1992: 42]. Наиболее старые из обнаруженных надмогильных памятников датируются началом XVIII в. (1708 г.). На середину XIX в. приходится 60 надгробных камней (по сохранившимся эпитафиям), что согласуется со сведениями И. Черного. Последние по времени относятся к 40–50-м годам XX столетия. Надписи XIX в. эпиграфически оказались близки памятникам не только из селения Хели-Пенджик, но и из аула Карчаг.

В начале XIX в. еврейское население Дагестана было сосредоточено в основном в сельской местности. В районе Табасаран еврейские кварталы имелись в селениях Джерах и Карчаг.

В Хели-Пенджик кладбище расположено при въезде в селение слева у трассы в 500 м от указателя населенного пункта.

Надгробия однотипны по архитектуре. Это стелы, на некоторых были вырезаны экраны. Хронологические рамки некрополя — 50-е годы XIX в. и самое начало XX в. На уцелевшей площади некрополя среди 44-х сохранившихся надгробий нами отмечено 12 просевших без надгробных стел ям. Представлено несколько видов почерков, использовавшихся практически в одно и то же время. Почерк двух памятников находит параллели с эпитафиями из Нюгди этого же времени, причем они и стилистически очень близки.

Эпитафийный стиль однообразен вступительной формулой — только в двух случаях фиксируется отход от полной записи «קברך פה — по никбар — здесь погребен» и использование аббревиатурной записи; способ передачи даты — всегда по малому счислению, редко употреблены и эпитеты, что сближает это еврейское селение с общиной Карчага.

Иудейский некрополь находился на вершине большого глиняного холма, доминирующего над современным селением Карчаг на юго-западе. Издали видны на вершине остатки крепостных построек, полуразрушенные сторожевая башня и стены, сложенные из песчаника, в 500 м левее от строений на плато располагается мусульманское кладбище. За гребнем по левому склону уже еврейское кладбище. Таким образом, гребень стал естественной границей двух некрополей.

Основным камнем для надгробий служил тот же песчаник. Почти все стелы выполнены по образцу рядом расположенного мусульманского кладбища, оформлены экраном-рамкой, чаще прямоугольной или треугольно-арочной формы. Встречены и точные копии с мусульманских образцов, где экраны антропоморфной формы, а поля декорированы резной плетенкой. По уцелевшим эпитафиям хронологические рамки существования общины и некрополя фиксируются от 90-х годов XVIII в. до первых годов XX столетия. Вероятно, от того, что некрополь располагался на крутом южном склоне холма, не все надгробия уцелели на своих первоначальных местах. Эпитафии, выполненные неглубоким внутренним рельефом, частично или полностью выветрены. Последняя дата на некрополе Карчаг — 1914 г.

Примечательно то, что такие же с антропоморфными экранами стелы мы обнаружили в селении Джерах.

Селение Джерах находится в глубинных районах Табасарана на высоте около 500 м над уровнем моря. Некрополь расположен в окружении двух больших мусульманских кладбищ. Здесь мы встретили ту же архитектурно-типологическую преемственность. Все надгробия-стелы украшены рамками, иногда они завершались арочным контуром. На трех, одних из самых ранних по времени надгробий, экран имеет антропоморфные очертания,

как в Карчаге. По руке мастера и шрифтам выявлено более восьми образцов почерков: от курсива до строгой печатной квадратной формы, и это несмотря на закрытость поселения горными отрогами. Правда, ни один из почерков не был устойчивым. Формулы эпитафий стилистически разнообразны, но не одна не стала доминирующей, выявлено несколько структурных оборотов. Их мы встречаем в Маджалисе, Карчаге, Ньюджи, Хели-Пенджике.

Хронологические рамки существования некрополя — от первых годов XIX в. до начала XX в. На военный, 1916 г., приходится самая поздняя из зафиксированных на уцелевших надгробиях эпитафий. Период Кавказской войны характеризуется мобильностью языка надгробных текстов, неустойчивостью почерков, особой типологией архитектурных форм надгробий. Тогда евреи страдали от преследований с обеих воюющих сторон. Источники сообщают о захвате в 1843 г. аула Джерах одним из отрядов Хаджи-Мурата. Многим евреям удалось заблаговременно бежать, но дома их были сожжены. В мирное время в Джерахе занимались виноградарством, культивировали шелковичные деревья, выращивали сарачинское пшено (рис), маис, занимались выделкой сафьяна, кож.

Всего на девяти исследованных некрополях вышеупомянутых селений Южного Дагестана удалось зафиксировать 780 эпитафий. Надгробные тексты при внимательном изучении дополняют, а в иных случаях восстанавливают историческую картину жизни общин горских евреев Дагестана в пределах XVII–XX вв.

Библиография

- Анисимов И.Ш.* Кавказские еврей-горцы. М., 1888.
- Голб Н., Прицак Е.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997.
- Дорн Б.* Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря // Тр. Восточного отдела Русского археологического общества. СПб., 1864. Ч. 8.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- Тарихи «Дербенд-Наме» // Под редакцией М. Алиханова-Аварского. Вступ. ст., комм. А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 2007.
- Фиркович А.С.* Книга памятных камней. Вильна, 1872 (на иврите).

Черный И.Я. Горские евреи //Сб. сведений о кавказских горах. Тифлис, 1870; репринт. издание М., 1992.

В.А. Лившиц

СОГДИЙСКО-ТЮРКСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Махмуд Кашгарский, собиравший материалы для сравнительного словаря древнетюркских языков (*Дивāн лугат ат-турк*), был свидетелем одного из важнейших изменений этнической карты этой области — завершения процесса ассимиляции согдийцев тюрками (по словам В.В. Бартольда, «последняя стадия денационализации согдийцев Семиречья») [Бартольд 1964: 468].

В словаре Махмуда Кашгарского содержатся данные, позволяющие составить четкое представление об основных признаках этого процесса: согдийско-тюркское двуязычие в некоторых районах Семиречья (в том числе в городах Баласагун, Тараз, Исфиджаб) [Махмуд Кашгарский: 1333–1335 г.х. / 1915–1917: 30]; полная утрата согдийцами своего языка в других районах, преобразование фонетической системы некоторых тюркских диалектов Семиречья под воздействием согдийской фонетики («мягкость в диалектах сугдак, коджак и аргу») [Там же: 29]; изменения в фонетике тюркских диалектов всей области Аргу, от Исфиджаба¹ до Баласагуна). Утрата ряда характерных этнокультурных признаков, присущих согдийцам, предшествовала, вероятно, их полной языковой ассимиляции (так, согдийцы Баласагуна «приняли одежду и нравы тюрок») [Там же: 29].

Сведения письменных источников (в частности, приводимые в них данные раннесредневековой топонимики) указывают на существование в Семиречье многочисленных городских поселений, основанных согдийцами в VI–X веках. Эти сведения ныне существенно дополняются археологическими материалами, характеризующими масштабы и этапы согдийской колонизации Семиречья,

¹ Согд. *Spētčār «Белая река», ср. арабское название Исфиджаба — Мадинат ал-Байда «Белый город».